

Губайдуллина М.Ш.
Системная трансформация и демократический процесс в Восточной Европе и Центральной Азии: синергетический эффект

Начало активной фазы системной трансформации приходится на период заката социалистического строя в странах Восточной Европы и в СССР, а именно, в ходе мирных («бархатных» и «нежных») революций конца 1980-х гг. Спустя четверть века пришло время для переосмысления результатов сложного процесса переходного периода 90-х – начала 2000-х годов. Более того, «пока и Россия, и Евразия являют пример хаотичной, неопределенной ситуации», находятся в стадии «хаоса» или «управляемого хаоса», на евразийском пространстве продолжают происходить события, полные противоречий и не всегда поддающиеся логическому объяснению. На исходе второго десятилетия нового столетия мир столкнулся с своеобразным методом «домино», когда за одним «хаосом» (развал Советского Союза) последовал другой «хаос». В начале XXI века в исследованиях международных процессов произошла смена научных парадигм. В литературе вновь осмысливаются процессы воздействия «разрушения» и их накопительный потенциал на последующие изменения в международной системе, в развитии восточно-европейских государств и стран постсоветского пространства.

Ключевые слова: трансформация, «бархатная/нежная революция», «управляемый хаос», синергетический подход, Восточная Европа, Центральная Азия.

Gubaidullina M.
System transformation and the democratic process in Eastern Europe and Central Asia: synergistic effect

Start of the active phase of the transformation of the system falls on the sunset period of the socialist system in Eastern Europe and the USSR, namely, during the peaceful revolutions in the late 1980s. («Velvet» and «Tender» revolutions/ czech. – Sametová revoluce; slovakian – Nežná revolúcia). After a quarter of a century it is time to rethink the results of the complex process of transition of 90's – early 2000's. Moreover, „while Russia and Eurasia is an example of a chaotic, uncertain situation«, are in the process of „chaos« or „controlled chaos«, the Eurasian space continues to experience events, full of contradictions and are not always amenable to logical explanation. At the end of the second decade of the new century, the world was confronted with a peculiar method of „dominoes«, when one of the „chaos« (the collapse of the Soviet Union), followed by another „chaos«. At the beginning of the twenty-first century in the studies of international processes were changed scientific paradigms. In the literature, the impact of the newly conceptualized processes „destruction« and a storage capacity for the following changes in the international system, in the development of Eastern European States and the former Soviet Union countries.

Key words: transformation, «velvet/tender revolution», «controlled chaos», synergetic approach, Eastern Europe, Central Asia.

Губайдуллина М.Ш.
Шығыс Еуропа және Орталық Азиядағы жүйелі трансформация мен демократиялық процесс: синергетикалық әсері

Жүйелі трансформацияның белсенді кезеңі КСРО мен Шығыс Еуропа елдеріндегі социалистік жүйенің құлдырауы, дәлірек айтқанда, 1980 жылдардың аяғында орын алған бейбіт («бархат» және «жұмсақ») революциялардан бастау алады. Ширек ғасыр өткен соң, 90-жылдардағы мен 2000 жылдардың басындағы қиын өтпелі кезеңді қайта қарастырудың сәті түсті. Онымен қоса, «Ресей де, Еуразия да хаостық, белгісіз жағдайдың үлгісін көрсету кезінде», «хаос» пен «басқарылатын хаос» процесінде, еуразиялық кеңістікте қайшылықтарға толы, логикалық түсіндіруге келмейтін мәселелер орын алып отыр. Жаңа ғасырдың екінші онжылдығының соңында әлем бір «хаостан» кейін (Кеңес Одағының ыдырауы) екінші «хаос» туындап жатқан өзіндік «домино» әдісімен көзбе-көз келді. XXI ғасырдың басында халықаралық процестерді зерттеу барысында ғылыми парадигмалардың ауысуы көрініс алды. Әдебиетте қайтадан «күйреу» процестерінің әсері және Шығыс Еуропа мемлекеттері мен посткеңестік елдердің халықаралық жүйенің кейінгі өзгерістеріне қатысты жинақтаушы потенциалы жөнінде сөз қозғалады.

Түйін сөздер: трансформация, «барқыт революциясы», «басқарылатын хаос», синергетика тәсілі, Шығыс Еуропа, Орталық Азия.

**СИСТЕМНАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ И
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ
ПРОЦЕСС
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
ЭФФЕКТ**

Введение

Вопрос о методе: политический транзит в теории синергетики

Современные политические системы практически всех государств, как высокоразвитых с устойчивыми западными традициями демократии, так и тех, что стоят в ряду т.н. молодых демократий (постсоветское пространство), столкнулись в XXI веке с рядом издержек и проблем. Причин тому немало. Это распады государств, внешние интервенции, государственные перевороты, масштабные террористические акты, войны, финансовые и иные кризисы, форсированные реформы, патовые электоральные ситуации, революции, мощные протестные реакции общества и т.д. Именно в подобных условиях «малозначительные» причины (поводы) могут оказывать определяющие воздействия на траекторию политических и международных процессов.

Постсоветские государства до сих пор не сформировали устойчивые правовые и демократические системы, они находятся в переходном транзитном состоянии. Политические системы республик Центральной Азии в силу неординарности выбора форм государственного устройства и предстоящей вскоре смене руководящих элит стали предметом изучения исследователей в разных странах.

События, происходившие в странах бывшей социалистической системы с 1989–1991 гг. и в течение следующего десятилетия, как правило, поддаются анализу на основе традиционных «линейных» подходов. Следуя диалектике Гегеля и Маркса, линейные теории рассматривают развитие как процесс перехода от одного порядка к другому. Однако стремительное развитие процессов в европейской части СНГ, в Закавказье и ЦА требует более глубокого их осознания с тем, чтобы прогнозировать последующие политические процессы. Это требует обновления подходов и аналитического инструментария.

Основная часть

Теория «управляемого хаоса», политические и практические методы

Остановимся на одном из направлений, предлагающем концепцию синергетики и связанную современную теорию хаоса. Синергетику определяют как науку о сложном учении самоорганизации, универсальных закономерностях развития сложных нелинейных динамических систем, которые могут претерпевать резкие изменения состояний в периоды нестабильности. Как известно, *синергетика* как теория стала результатом исследований вопроса о наличии общих законов самоорганизации немецкого физика Германа Хаке (1970). Он считал, что в результате «совместного действия многих подсистем на макроскопическом уровне возникает новая структура и соответствующее функционирование». Развитию синергетической теории немало способствовал еще один известный физик и философ Илья Пригожин («Порядок из хаоса»). Благодаря его открытию диссипативных структур – существование неравновесных термодинамических систем, которые, при определенных условиях, поглощая вещество и энергию из окружающего пространства, могут совершать качественный скачок к усложнению (*диссипативные структуры*). Причём такой скачок не может быть предсказан, исходя из классических законов статистики. Такие системы позже были названы его именем, а во Франции и в Бельгии в социально-политических науках теория диссипативных структур стала популярной [2].

Открытие универсальности в поведении нелинейных систем Митчелом Фейгенбаумом Синергетическое моделирование позволяет доказать, что даже в точках бифуркации (точнее, *полифуркации*) количество реальных сценариев всегда ограничено, что соотносится с синергетической теорией И. Пригожина, и как доказано, в реальности «линейный характер развития процессов» и «равновесные состояния» доминируют не всегда. Поэтому в США синергетику используют чаще как «теорию динамического хаоса» [3].

Не удивительно, что в политических исследованиях получили распространение методы нелинейной динамики, учитывающие синергетические эффекты, которые были открыты постнеклассической наукой в последние десятилетия. Синергетика исследует механизмы самоорганизации сложных систем в моменты их неустойчивых состояний, когда определяется выход систе-

мы на ту или совсем иную траекторию движения к устойчивости. Варианты устойчивых состояний обозначаются в синергетике как «структуры-аттракторы эволюции системы». Изучение нелинейных зависимостей элементов сложных систем позволяет глубже понять закономерности развития мощных и склонных к скачкообразным изменениям систем, как, например, международная система, политическая система, глобальное пространство Интернет, транснациональные террористические сети и т.д.

В случае, если современное мировое политическое развитие рассматривается как процесс самоорганизации открытых сложных систем, то синергетика объясняет «неизбежность кризисных состояний общества, наличие бифуркационных периодов и множества путей развития, составляющих поле траекторий».

Основные принципы теории управляемого хаоса

С середины XX в. систематизируются математические наработки по теории управляемого хаоса (Р. Том), и в 1984 г. был организован институт междисциплинарных исследований Санта-Фе (штат Нью-Мексика, США), специализирующийся на теории хаоса. «Теория хаоса и стратегическая мысль», – так в докладе Стивена Манна была соединена теория с новыми геополитическими концептами завоевания превосходства (1992). Заявляя о том, что «хотел бы поговорить об искусстве внешней политики. А также об искусстве стратегии. И об искусстве дипломатии. И конечно, об искусстве войны...», он предлагает осмыслить то состояние хаотичного мира, в котором находится мир [4].

«Аргумент, который я хотел бы привести, состоит в том, что международные отношения предьявляют нам характеристики *самоорганизующейся критичности (SOC)*. Вкратце принцип SOC состоит в следующем: «Многие сложные системы естественным образом эволюционируют до критической стадии, в которой незначительное событие вызывает цепную реакцию, способную затронуть многие элементы системы». Хотя сложные системы производят больше незначительных явлений, чем катастроф, цепные реакции любого масштаба являются интегральной частью динамики...» [5].

Широкая дискуссия первой половины 90-х годов на страницах журнала «History and Theory» о возможности применения теории хаоса в гуманитарных науках, которую стимулировал своими работами С. Манн, была названа польским ученым Ежи Топольским самой плодотворной

[6]. Добавим, обсуждение теории управляемого хаоса вовлекло в дискуссии многих политологов, а практические выводы достаточно быстро становились инструментами большой политики. Казалось бы, парадоксальные утверждения С. Манна о необходимости «усиления эксплуатации критичности» и «создания хаоса» как инструментах обеспечения национальных интересов США вошли в доктринальные установки внешней политики западных стран. Более того, в практические установки по применению механизмов «создания хаоса» на той или иной территории. С. Манн называет следующие действия:

- содействие в создании либеральной демократии;
- поддержание рыночных реформ;
- повышение экономических стандартов и ресурсных потребностей у населения, прежде всего элит; все это приводит
- к вытеснению традиционных ценностей и идеологии [7].

Примечательно, что к началу 90-х годов понятие «демократия» рассматривается как единственная легитимная и жизнеспособная альтернатива авторитарному режиму любого типа» [8]. В политическую науку вводится новый термин «демократизация», который не имел определенного значения среди исследователей. Но с появлением новых государств в Восточной Европе и на постсоветском пространстве отмечается необходимость построения демократии западного типа, создание т.н. консолидированных демократий [9].

Вводя в международную практику требование проведения демократизации в переходный период, само понятие демократии и демократизации приобретало порой обратный смысл. Видимы значительные отличия исходных характеристик трансформирующихся политических режимов: от классического авторитаризма до посттоталитарного, с чертами деспотии режима. Сегодня ни одно государство ни ЦА, ни СНГ не пришло к установлению такой демократии, которая отвечает западным принципам и критериям. Ряд исследователей предлагает использовать понятие «демократическая трансформация» или «демократический транзит», что не предполагает обязательный переход к демократии, а указывает на тот факт, что демократизация представляет собой процесс с неопределенными результатами [10].

Стремительное развитие информационных технологий позволило эффективно применять в политической практике ведущих государств «те-

ории управляемого хаоса». Сегодня мы оцениваем прошедшие четверть века как свершившийся процесс интеграции «новых идей» в политической практике и информационных технологий. Более того, по всему миру наблюдается ускоренный процесс поглощения «социальными сетями» мира традиционных обществ и ценностей. Данность современного мира, когда через социальные сети провоцируются беспорядки, волнения, протесты, революции.

Методология синергетики утверждает следующее положение: возникающий вблизи точки бифуркации «хаос» не означает, что порядок исчезает. Скорее, динамика процесса становится внутренне (а не в силу внешних причин) непредсказуемой [11].

Центральный вопрос, который обсуждается в этой связи методологами социального знания, – это механизмы выбора альтернатив общественного развития, влияние случайностей, которые в точках бифуркации принципиально невозможно предугадать и спрогнозировать.

Переход к новым системным отношениям и возникновение новой нестабильности

Остановимся на одном из принципов синергетики: хаотизация политического процесса и переход к точке «критического выбора». Мировой политической процесс богат примерами формирования новых системных связей. При анализе исторических ситуаций вполне применима теория «саморганизованной критичности». Развитие понимается как последовательность длительных периодов стабильных состояний системы, которые прерываются краткими периодами хаотического поведения, после чего происходит переход (бифуркация) к следующему устойчивому состоянию (аттрактору), «выбор» которого определяется системой в зависимости от особенностей ее флуктуаций в точке бифуркации.

Социальные протесты в любой форме характерны для обществ, где не проводятся реформы по его модернизации или они запаздывают, возникает неустойчивость, чреватая саморазрушением общества, государства, союзам государств и их институтам. Применительно к политико-историческим процессам теория саморганизованной критичности может быть полезной для выявления возникновения социальной нестабильности в периоды «застоя». Ученые, анализировавшие политические процессы в Советском Союзе конца 1980-1990-х гг., констатировали, что советское общество находилось в состоянии неустойчивого развития, пребывая в зоне

бифуркаций, хаотическом блуждании между рестаурацией и реформацией. При этом «бифуркационный хаос» был источником и разрушения, и созидания [12].

Мировая система социализма в целом находилась в состоянии неустойчивого экономического развития. Польша, ГДР, Венгрия, Румыния, Чехословакия, Югославия, Албания, став в послевоенный период на путь социализма, сформировали группу государств под названием «Восточная Европа», или страны «народной демократии», которые находились почти 40 лет в орбите силового влияния Советского Союза, следования советской линии и советским интересам на международной арене [13]. Так, в документах, подготовленных Отделом внешней политики ЦК ВКП (б) в связи с совещанием в Шклярской Порембе в 1947 г., где девять компартий создали Коминформ, был определен ряд стран, которые соответствовали критериям наибольшего продвижения по пути «народной демократии», особенно с точки зрения установления коммунистической доминанции и устранения оппонентов. Наивысших оценок удостоились, прежде всего, Югославия и за ней Албания, следом Болгария, потом Польша, за ней Чехословакия, а затем Румыния, и замыкала этот ряд Венгрия. Такова была иерархия «прокоммунистических» стран в одном из сводных подготовительных материалов, где проводилось сравнение всех восточноевропейских стран «лагеря» между собой [14].

Когда в 1989 г. повсеместно развернулись антитоталитарные протесты и прошли демократические революции, то они получили название «нежных», «бархатных», поскольку не несли свойственных для таких явлений разрушений и человеческих жертв. Исключением стала Румыния, где столкновения приняли насильственные формы, повлекшие за собой многочисленные жертвы. Рухнули командно-административные системы тоталитарного типа, было положено начало динамичному процессу трансформации политической и социально-экономической системы. Цепная реакция воздействия событий в одной стране на положение в другой была разительной. Фактически такого явления в Европе не наблюдалось с середины XIX века – революций 1848 г., охвативших по цепочке одну страну за другой, всю Европу. Французский президент Франсуа Миттеран, впечатленный событиями, назвал их «самым крупным событием в Европе, а может быть, и во всем мире, после Второй мировой войны». При этом он имел в виду не-

виданный размах событий. Позже американский геополитик Збигнев Бжезинский утверждал, что термин «Восточная Европа» есть понятие скорее политическое, связанное с «холодной войной», а Восточная Европа вновь хочет стать Центральной Европой, хочет быть сама собой.

В случае с Восточной Европой процесс ломки командно-административной системы тоталитарного типа отличался невиданной быстротой (по этой причине они получили еще название «моментальных революций»), глубиной и радикальностью, а на пространстве бывшего СССР этот процесс оказался более затяжным, болезненным и не бескровным. Он сопровождался обострением национальных и межгосударственных конфликтов, растянувшихся на десятилетие, и даже началом гражданских войн.

Первые всеобщие выборы в 1990–1991 гг. привели к власти мощную демократическую оппозицию. Политическая поляризация при отсутствии сколько-нибудь заметного центра определила «политический маятник».

Трудности переходного периода вызывали *рост социальной напряженности*. Прежде всего – это *негативные последствия «шоковой терапии»*, слишком быстрые темпы либерализации экономики, переход к рыночным отношениям [15]. Быстрая смена политических и экономических порядков нарушила привычное функционирование общественного организма, усилилось социальное расслоение и в то же время произошло размежевание интересов социальных групп.

В Польше, Венгрии и Чехословакии реформы, начавшиеся значительно раньше, позволили ослабить тяжелые удары «шоковой терапии» и ускорить переход к стабилизации. Второй вариант трансформации прежней системы, выбранный в отличие от стран Вышеградской группы другими восточноевропейскими странами – это поэтапное реформирование. Для него характерен менее радикальный путь приватизации и либерализации. В Болгарии, Румынии, Албании значительный сектор экономики оставался в государственной собственности, здесь постепенно формировалась смешанная экономика. Но этот процесс имел немало негативных последствий, он надолго затянулся, а сформированная за это время «новая» бюрократия практически пустила процесс на тормоза, порождая общие трудные проблемы – высокую инфляцию, экономический спад, безработицу, государственный долг, коррупцию во властных структурах. Последние обстоятельства вызвали в стране уже в 1997 г. глубокий политический кризис, который пере-

рос в восстание. «Власть толпы» разрушила государственные институты, ввергла страну в хаос. Страна была на грани гражданской войны, и лишь миротворческие силы ООН и ЕС смогли продолжительно долгое время сдерживать ситуацию.

В целом, практически во всех странах бывшего Восточного блока социальная составляющая оказывала давление на политический выбор, отсюда – колебания электората «лево-право». В итоге в Польше, Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии и ряде других стран в 1996–1997 гг. социал-демократические группировки уступили место власти новым политическим силам. Эти колебания «лево-право» отражали специфику переходного периода, переживаемого всеми странами бывшего социалистического лагеря на протяжении 1990-х гг. [16].

Общая болезненная проблема для всех стран бывшего социалистического лагеря – *растущая дифференциация и социальное расслоение общества*. Не обошли стороной этот европейский регион *национальные и этнические конфликты и вспышки национализма*. Ряд государств были подвержены распаду на национальной почве. В 1993 г. Чехословакия распалась на Чехию и Словакию (согласие достигнуто исключительно мирным путем). Прежняя Югославия в начале 1990-х гг. распалась на суверенные государства: Словению, Боснию и Герцеговину, Македонию, Хорватию. Процесс государственного разделения Западных Балкан был болезненным и трагичным, сопровождался войной, междоусобными конфликтами, сопровождавшимися этническими чистками и массовыми убийствами.

Говоря о международных последствиях событий конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., Европа быстро консолидировала интеграционную доминанту и не дала «разбежаться» восточноевропейским странам. Эти государства сразу стали ассоциированными членами ЕС, а в 2004-2007 гг. полноправными государствами-членами ЕС. Наоборот, постсоветское пространство со слабыми в целом экономиками не могло продолжительно долго самостоятельно определять свой

статус.

Как пойдет развитие в центральноазиатской части Евразии? Здесь процессы глобализации все более втягивают в проблемный хаос новые государства с неустойчивыми политическими системами; эти государства все еще подвержены всплеску национального самоопределения и национального государствоворения, где обозначено стремление к интеграции региона, но еще более выпуклы и сильны центробежные силы.

В этом случае и важен прикладной методический аспект применения синергетики в исследовании социально-политических процессов как для Центральной Азии, так и в целом для СНГ. Исследования доказывают целесообразность применения синергетической методики с целью установления вероятности возникновения в нем хаотических режимов [17], прогностическая функция которой может быть использована на практике.

Заключение

Рубеж XX-XXI вв. характеризуется падением авторитарных режимов и попыткой утверждения демократических институтов во многих государствах мира. В последние годы в мире обострились революционные процессы, получившие название «цветных». Опираясь только на традиционные «линейные» подходы, сложно анализировать нестабильные, неравновесные, полные противоречий и конфликтов события, выявляя общие и особенные тенденции, проводить сравнения и т.д. Странники синергетики политических процессов утверждают по праву, что нестабильную, неравновесную глобализующуюся международную систему все труднее изучать. Более глубокое понимание и прогнозирование политических процессов требуют непрерывного обновления аналитического инструментария, в том числе – за счет использования методов нелинейной динамики, учитывающих синергетические эффекты, открытые постнеклассической наукой последних десятилетий.

Литература

- 1 В те годы такую позицию отстаивал итальянский политолог Фабрисо Виельмини, живший в ЦА и наблюдавший развитие региона изнутри. См.: Виельмини Ф. Управляемый хаос // Megapolis. – 2004. – № 49. – С. 5.
- 2 См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.; Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. – М.: Мир, 1979. – 512 с.

- 3 Делокаров К.Х. Глобализация и теория хаоса. Online: [<http://spkurdyumov.narod.ru/D4Delokarov.html>]; Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века (http://www.patriotica.ru/actual/panar_strategy.html).
- 4 Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. – Ижевск, 1999.
- 5 Mann, R. Steven. Chaos theory and strategic thought (Теория хаоса и стратегическая мысль), 1992. Online: [<http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA528321>]
- 6 Топольский Е. Дискуссии о применении теории хаоса к истории // Исторические записки / ред. Г.Н. Севостьянов. – 1999. – № 2 (120); Шкаренков Л.К. Россия в неустойчивом мире. Московский синергетический форум. – М., 1996; Российский монитор. Архив современной политики. – Вып. 1. – М., 1992. – С. 17.
- 7 Mann, R. Steven. The Reaction to Chaos // Complexity, Global Politics, and National Security/ Ed. by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National Defense University Washington: D.C., 1998.
- 8 Ертсыбаев Е.К. Демократизация в Казахстане: 1990-2000 годы. – Алматы, 2000. – С. 157.
- 9 Хорос В.Г., Чешков М.А. Политическая модернизация в посттрадиционных обществах // Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. – М.: Наука, 1996. – С. 16.
- 10 Gubaidullina M.Sh. Political Transformations in Kazakhstan// Democratic Processes in Central Asia. Indo-Kazakh Perspectives (Part 9)/Ed. K. Santhanam, K. Baizakova. Collective Monograph (The India-Central Asia foundation). – New Delhi: Aryan Books International, 2009. – Pp. 80-95. Online: [<http://www.abebooks.de/Democratic-Processes-Central-Asia-Indo-Kazakh/1386151905/bd>]
- 11 Brown T.A. Nonlinear Politics // Chaos Theory in the Social Sciences: Foundations and Applications / L.D. Kiel and E. Elliot (eds.). Ann Arbor, 1996.
- 12 Бородин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. – 2003. – № 2.
- 13 «Мировая социалистическая система» – группа государств Восточной Европы, стран Азии, Африки, Карибского бассейна, в которых после второй мировой войны утвердились коммунистические режимы. Отказавшись от финансовой помощи Запада, они встали на путь социалистического строительства по образцу и подобию СССР. Эта система просуществовала до конца 80-х гг. XX в.
- 14 Гибианский Л.Я. Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы: СССР, Восточная Европа и формирование советского общества// Аналитические исследования в исторической науке. – 2000. – № 7.
- 15 Ibid.
- 16 Ibid.
- 17 См.: Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе. – М., 2001. – С. 121-167.

References

- 1 V te gody takuju poziciju otstaival ital'janskij politolog Fabrisio Viel'mini, zhivshij v CA i nabljudavshij razvitie regiona iznutri. Sm.: Viel'mini F. Upravljaemyj haos // Megapolis. – 2004. – № 49. – S. 5.
- 2 Sm.: Prigozhin I., Stengers I. Porjadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoj. – M.: Progress, 1986. – 432 s.; Nikolis G., Prigozhin I. Samoorganizacija v neravnovesnyh sistemah: Ot dissipativnyh struktur k uporjadochennosti cherez fluktuacii. – M.: Mir, 1979. – 512 s.
- 3 Delokarov K.H. Globalizacija i teorija haosa. Online: [<http://spkurdyumov.narod.ru/D4Delokarov.html>]; Panarin A.S. Strategicheskaja nestabil'nost' XXI veka (http://www.patriotica.ru/actual/panar_strategy.html).
- 4 Prigozhin I. Konec opredelennosti. Vremja, haos i novye zakony prirody. Izhevsk, 1999.
- 5 Mann, R. Steven. Chaos theory and strategic thought (Teorija haosa i strategicheskaja mysl'), 1992. Online: [<http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA528321>]
- 6 Topol'skij E. Diskussii o primenenii teorii haosa k istorii // Istoricheskie zapiski/ Red. G.N. Sevost'janov. – 1999. – № 2 (120); Shkarenkov L.K. Rossija v neustojchivom mire. Moskovskij sinergeticheskij forum. – M., 1996; Rossijskij monitor. Arhiv sovremennoj politiki. – Vyp. 1. – M., 1992. – S. 17
- 7 Mann, R. Steven. The Reaction to Chaos // Complexity, Global Politics, and National Security/ Ed. by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National Defense University Washington: D.C., 1998
- 8 Ertysbaev E.K. Demokratizacija v Kazahstane: 1990-2000 gody. – Almaty, 2000. – S. 157.
- 9 Horos V.G., Cheshkov M.A. Politicheskaja modernizacija v posttradicionnyh obshhestvah // Avtoritarizm i demokratiya v razvivajushihhsja stranah. – M.: Nauka, 1996. – S. 16.
- 10 Gubaidullina M.Sh. Political Transformations in Kazakhstan// Democratic Processes in Central Asia. Indo-Kazakh Perspectives (Part 9)/Ed. K. Santhanam, K. Baizakova. Collective Monograph (The India-Central Asia foundation). – New Delhi: Aryan Books International, 2009. – Rr. 80-95. Online: [<http://www.abebooks.de/Democratic-Processes-Central-Asia-Indo-Kazakh/1386151905/bd>]

11 Brown T.A. Nonlinear Politics // Chaos Theory in the Social Sciences: Foundations and Applications / L.D. Kiel and E. Elliot (eds.). Ann Arbor, 1996.

12 Borodkin L.I. «Porjadok iz haosa»: koncepcii sinergetiki v metodologii istoricheskikh issledovanij // Novaja i novejsaja istorija, 2003. – № 2.

13 «Mirovaja socialisticheskaja sistema» – grupa gosudarstv Vostochnoj Evropy, stran Azii, Afriki, Karibskogo bassejna, v kotoryh posle vtoroj mirovoj vojny utverdilis' kommunisticheskie rezhimy. Otkazavshis' ot finansovoj pomoshhi Zapada, oni vstali na put' socialisticheskogo stroitel'stva po obrazcu i podobiju SSSR. Jeta sistema prosushhestvovala do konca 80-h gg. HH v.

14 Gibianskij L.Ja. Totalitarizm: istoricheskij opyt Vostochnoj Evropy: SSSR, Vostochnaja Evropa i formirovanie sovetskogo obshhestva// Analiticheskie issledovanija v istoricheskoy nauke. 2000. – № 7.

15 Ibid.

16 Ibid.

17 Sm.: Krug idej: Istoricheskaja informatika v informacionnom obshhestve. – M., 2001. – S. 121-167.